

Уайт Д.М.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
d.m.uait@urfu.ru

История православной церкви в Прибалтике на примере прихода Олешница (Алайёэ) во второй половине XIX – первой трети XX в.

Аннотация. В статье рассматривается история русскоязычного православного прихода Олешницы в восточной части Эстляндской губернии/Эстонии. Его новизна заключается в том, что существует мало статей об отдельных православных приходах в Прибалтике. Автор показывает в статье, что жизнь олешницких прихожан и структура олешницкого приходского управления претерпели в рассматриваемый период глубокие изменения. Делается вывод, что изучение отдельного прихода является жизнеспособным подходом к истории церкви и социальной истории рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Олешница, Алайёэ, Русская православная церковь, Эстляндия, Эстония, приход

James M. White

Ural Federal University
4 Turgeneva St., Ekaterinburg, 620075, Russia
d.m.uait@urfu.ru

The History of the Orthodox Church in the Baltic: The Parish of Oleshnitsa (Alajõe), Second Half of the 19th – First Third of the 20th Century

Abstract. The following article considers the history of the Russian-speaking Orthodox parish of Oleshnitsa in the eastern part of Estland province/Estonia. Its novelty lies in the fact that few articles exist on individual Orthodox parishes in the Baltic. The article demonstrates that the life of parishioners and the structure of parish governance underwent profound changes in the period in question. It concludes that studying an individual parish is a viable approach to church history and social history in this period. military clergymen show. The letters allow us to trace how anti-clerical attitudes among servicemembers affected their relationships with clergy members and representatives of traditional society on vacation trips to their home country.

Key words: Oleshnitsa, Alajõe, Russian Orthodox Church, Estland province, Estonia, parish

Введение

В русской и зарубежной историографии православной церкви в Балтийском регионе имперского и межвоенного периодов существуют обобщающие труды [Гаврилин, 1999; Rimstad, 2012; Мусаев, 2018], исследования конкретных вопросов (в особенности – обращения из лютеранства в православие) [Ryan, 2008; Tøllefsen, White, 2021; Gibson, Paert, 2022] и дискуссии об отдельных институтах и персоналиях [Raudsepp, 1998]. Повышенный интерес к политическим сюжетам, а также отдельным фигурам, привёл, однако, к недостатку исследований отдельных приходов, игнорированию проблемы становления православного сообщества в регионе [в качестве исключения см.: Schvak, 2021].

Отмеченное обстоятельство имеет ряд важных следствий для понимания истории православия. Приходы и сообщества вокруг них находились под сильным влиянием не только со стороны основных деятелей церкви и государства, но и ло-

кальных факторов, включая географическое положение, социально-экономическое состояние членов общин, этно-конфессиональный состав и региональную политику: иными словами, общины не просто отражали общие тенденции, но обладали собственными уникальными характеристиками, влиявшими на их развитие.

Кроме того, существующие исследования в основном сконцентрированы на имперском или межвоенном периодах в отдельности. Такой подход, однако, делает трудноразличимыми фундаментальные изменения, не позволяет проследить преемственность. Как неоднократно отмечалось учёными [Shevzov, 2004; Беглов, 2021], православный приход позднейимперского периода рассматривался как переживающий кризис многими церковными и секулярными реформаторами, полагавшими, что отсутствие юридического статуса, доминирование церковных органов, таких как консистории и Святейший Синод, и общий недостаток вовлечённости прихожан в управление делами их храмов являлись причинами вероотступничества в пользу других конфессий, а также общего снижения религиозности и социальной стабильности. Многочисленные обсуждения реформ, проходившие как централизованно (к примеру, во время Предсоборного Присутствия в 1906 г., Предсоборного Сопения в 1912–1914 гг. и Поместного Собора Русской Православной церкви в 1917–1918 гг.), так и на местном уровне (на «соборе» в Риге в 1905 году) существенно повлияли на структуру прихода, принятому Эстонской Апостольской Православной Церковью (ЭАПЦ). Согласно приходскому уставу ЭАПЦ, всё духовенство избиралось прихожанами, мирянам предоставлялось право голоса на крупных церковных собраниях, а вопросы финансов и управления были отданы в ведение выборным приходским организациям. Так продолжалось до середины 1930-х годов. Рассмотрение истории конкретного прихода от имперского до конца межвоенного периода позволяет нам понять, каким образом проявлялись эти существенные изменения в управлении приходом и какие элементы преемственности были сохранены.

Таким образом, целью статьи является исправление вышеупомянутого историографического казуса и демонстрация ценности исследования отдельного прихода в Эстляндской губернии/Эстонии. Интересующим нас приходом является Олешница (Alajõe) – православное религиозное сообщество, включающее в себя несколько деревень, расположенных на северном берегу озера Пейпус. В имперский период эта территория была частью Везенбергского уезда и благочиния: в межвоенный период принадлежала к региону Ййзаку. Община состояла почти исключительно из русскоговорящих крестьян и рыбаков, однако на окружающей территории преобладали эстоноязычные лютеране. В 1910 году население прихода составляло 1118 душ, в 1924 году оно увеличилось до 1238 человек, а в 1936 году сократилось до 1060 человек [ЕАА.1898.1.11.1; ЕАА.1898.1.69, б.с.; ЕАА.1655.2.2742, б.с.]. Приход вёл свою историю с 1884 года и существовал на протяжении всего рассматриваемого периода. Изучение данной общины даёт нам возможность взглянуть на то, как русскоговорящее православное сообщество сельских тружеников переживало бурные изменения позднейимперского и межвоенного периодов, каким образом в это время была устроена их религиозная жизнь и организация.

История прихода

Православие обладало прочными позициями на восточных берегах Чудского озера и в Эстляндии как таковой до завоевания этого региона Петром Великим в начале XVIII в. Присутствие старообрядцев также было существенным, хотя большая часть их центров находилась на юге Олешницы. Массовое обращение эстонцев и латышей в православие в 1840-х годах (около 100000 чел.) не оказало существенного влияния на регион, так как большинство обращений происходило в Лифляндской губернии.

В 1860-е гг. были предприняты попытки основать православный приход в Олешнице. В прошении, поданном архиепископу Рижскому Платону (Городецкому) в 1865 г., группа православных верующих из Олешницы заявляла, что им необходима собственная церковь и приход: «мы, крестьяне Олешницкие, всепокорнейше просим Вас не оставить нас своею милостью и льстим себя надеждою, что не оставите нашу просьбу» [ЕАА.1655.2.161.1об]. Это первоначальное прошение привлекло внимание православного иерарха и содействовавших ему священнослужителей

в дополнение к нескольким исследованиям, по результатам которых рекомендовалось основание православной церкви и прихода. К примеру, благочинный о. Павел Алексеев утверждал 11 марта 1867 года, что «построение церкви в селении Олешницах весьма желательно было бы и полезно для поддержания и утверждения в том краю Православия» [ЕАА.1655.2.161.5]. Однако перевод архиепископа Платона в 1867 году и непродолжительное пребывание в этой должности его непосредственных преемников привели к забвению проекта.

Лишь в 1883 г. в дело вновь были вовлечены высокопоставленные церковные и светские деятели. Произошло это в связи с русификацией региона. В надежде на вмешательство русского правительства в их социально-экономическую борьбу с немецкими элитами 15 662 эстонца обратились в православие между 1883 и 1887 годами [Полунов, 2018, 207]. Эстляндский губернатор, князь Сергей Владимирович Шаховской вместе с двумя сменившими друг друга рижскими епископами Донатом (Бабинским-Соколовым) и Арсением (Брянцевым) были непосредственно заинтересованы в окрестностях Олешницы, где они планировали отстроить женский монастырь, призванный защитить существующее русское православное сообщество от нападок немецкого лютеранства, привлечь эстонских крестьян в православие и утвердить русский облик региона: в последствии это станет Пюхтицким женским монастырём [White, 2020, 377–379].

Таким образом, начало 1880-х годов было прекрасным моментом для православных крестьян Олешницы, чтобы повторить прошение о храме и собственном приходе. Рассуждая о церкви, епископ Донат 9 сентября 1883 заявлял: «Параллельно православному русскому населению той же береговой местности расположено русское же население лютеранской веры. Оно с давнего времени выселилось из о. Пейпуса и, по неимению правых священников и церквей в этой местности, приняло лютеранство, но сохранило русский язык, посты, православные праздники и почитание икон вознесением пред ними свечей и лампадок в домах своих» [ЕАА.1655.2.172.3-3об]. В 1884 г. Синодом было санкционировано создание нового православного прихода в Олешнице. Губернатор Шаховской дал проекту свою полную поддержку: «что благоприятное разрешение этого ходатайства я признаю крайне желательным как для укрепления православных Олешницкого прихода в высказываемом ими усердии, так и вообще для утверждения православия в Эстляндской губернии» [ЕАА.1655.2.172.131-131об]. Конечным результатом стало то, что возведение церкви завершилось в 1889 году.

Между 1884 и 1917 гг. православный приход в Олешнице продолжал развиваться под эгидой ряда священнослужителей. От этих священнослужителей требовалось не только исполнение литургических обязанностей, но и обучение: в Балтийских губерниях того времени значительное внимание уделялось религиозному образованию в форме приходских школ [Paert, Schvak, 2014]. На 1910 г. в Олешнице действовало две приходских школы и две вспомогательных. На тот момент в этих школах училось 52 мальчика и 28 девочек [ЕАА.1898.1.11.2об]. Духовенство, кроме того, пытаясь улучшить экономическое, моральное и физическое благополучие своего сообщества посредством работы в Везенбергском обществе трезвости. Эта работа включала в себя чтение лекций на широкий спектр тем, таких как о Богородице, гигиене полости рта и кометах [ЕАА.1898.1.60, б.с.]. В 1914 г. эти лекции проводились с использованием картинок, брошюр, народного хора и граммофона [ЕАА.1898.1.64, б.с.]. За всю эту работу священник получал 1300 рублей в год, старший псаломщик 300 рублей, а младший – 200 [ЕАА.1898.1.11.1-1об].

Мирная жизнь прихода была потревожена в 1911–1912 г. вследствие крупного скандала, в который было вовлечено православное духовенство. 1 декабря 1911 г. тело Зинаиды Троицкой, жены о. Александра Троицкого, было обнаружено у стен церкви. В результате расследования по подозрению в её убийстве был арестован старший псаломщик Иван Болтов. Благодаря этому стали известны нелицеприятные факты обо всём духовенстве Олешницы. Зинаида изменяла о. Александру с рядом мужчин, включая младшего псаломщика Семёна Карпина. Священник знал об этих связях и имел по меньшей мере две своих: два других священнослужителя и брат самого Троицкого поясняли, что «поведение Зинаиды Троицкой было весьма легко-

мысленным и ходили слухи об её многократных изменах мужу, причём последний знал это и оставался вполне равнодушен, так как в течении многих лет не имел с Зинаидой Троицкой супружеских отношений и, по его словам “искал удовлетворения на стороне”, по виду чего с женой связывали его только хозяйственные интересы и он заботился о соблюдении внешних приличий» [ЕАА.105.1.11294.8об]. Болтов, который, по-видимому, опасался оказаться в беспомощном положении по отношению к священнику, нанял эстонского мастера по ремонту, чтобы украсть серию порнографических изображений, принадлежащих о. Александру, изображений, на которых священник был запечатлён в компрометирующем положении со своими любовницами: ими он планировал шантажировать священнослужителя. В ходе процесса в Нарве Болтов был признан невиновным, отчасти благодаря тому, что другие члены общины 18 декабря 1911 г. направили в суд прошение, в котором утверждалось, что Болтов «был человек богобоязливый и без укоризненного повидания и даже самого малого ребёнка никогда ни оскорблял и так же не пьяница» [ЕАА.105.1.11294.70].

Первая мировая война принесла Рижской епархии серьёзные трудности. Немецкое наступление 1915 г. повлекло за собой массовую эвакуацию православного духовенства из Балтийских губерний вглубь России. Тем не менее, Олешница всё ещё находилась довольно далеко от линии фронта. Ситуация изменилась в 1917–1919 годах со свершением русской Революции и сопутствующим ей продвижением немцев вглубь Балтийского региона. Революция положила конец имперским порядкам и дала волю тому, что историк П. Рогозный назвал «Церковной революцией», в ходе которой были изгнаны непопулярные священники и епископы-«распутинцы», а Святейший Синод оказался, по существу, бессилён предотвратить падение своего авторитета: приходские советы и местные церковные собрания формировались прихожанами [Рогозный, 2008]. Уход архиепископа Иоанна (Смирнова) создал в Балтийских губерниях ситуацию властного вакуума, который был заполнен в ходе совета епархии 25 и 26 мая 1917 г., выявившего глубокие противоречия между русской, эстонской и латышской частями духовенства. В июле эстонские проголосовали за учреждение Таллинского викариата и назначение Платона (Кульбуша) викарным епископом: Платон был рукоположен в епископы 31 декабря 1917 г. Однако он был убит большевиками 17 января 1919 г. Временный епархиальный совет созвал в марте 1919 г. церковный собор, который избрал двух епископов и епархиальный совет, требуя автокефалии от Московского патриархата, и принял, в основном без изменений, приходские уставы, утверждённые Всероссийским Поместным Церковным Собором 1917–1918 годов. В мае 1920 г. патриарх Московский Тихон (Беллавин) учредил автономную Таллинскую епархию: последовавший за этим собор избрал епископом Александра (Паулуса), рукоположив его в ноябре 1920 г.

Это время лишений и хаоса отразилось и на Олешнице. 10 октября 1917 г. о. Михаил Назаревский сообщал, что он переживает материальные трудности: «члены названного причта, как не имеющие наличных средств приобретать себе хлеб по таковой цене не в силах, а потому, естественно, голодают» [ЕАА.1898.1.67.96]. В 1918 г. немецкая оккупация и распад централизованной церковной власти привели к образованию приходского собрания и совета в Олешнице 7(20) января 1918 г., установивших Назаревскому плату в размере 200 рублей в месяц. Однако прошлые проблемы прихода теперь проявились в полной мере. Как сообщает Назаревский, «Прибыв в 1912 году в Олешницкий приход, я, между прочим, обнаружил здесь существование особой партии приверженцев священника Троицкого, партии ко мне относящейся довольно враждебно, но так как я получал жалованье от казны <...>, то и на существование подобной партии не обратил внимание» [ЕАА.1655.2.2590.2об]. Теперь, тем не менее, прихожане платили ему зарплату, и эта группа дала о себе знать. На приходском собрании 6(19) мая 1918 г. партия Троицкого потребовала снижения жалования о. Назаревского до 100 рублей в месяц: «они, очевидно, полагали, что я не соглашусь остаться в приходе за столь ничтожное вознаграждения и уеду» [ЕАА.1655.2.2590.3].

Начали циркулировать секретные обращения с требованиями устранить Назаревского из прихода. В этот момент в ситуацию оказались вовлечены немецкие оккупационные власти. Согласно о. Назаревскому, случилось это потому, что, когда

он рассказал своей жене о секретных обращениях, она расплакалась: плач привлёк внимание немецкого лейтенанта, квартировавшего у них. Узнав причину горя, лейтенант заявил, что происходящее в отношении Назаревского незаконно, и сообщил о ситуации местным властям. Троицкий был изгнан из региона [ЕАА.1655.2.2590.3об]. Между тем, сторонники Троицкого в приходе утверждали, что Назаревский был виновен «ложными доносами пред германскими властями, в 1918 году оккупировавшими Эстонию» [ЕАА.1655.2.2590.18]. Казалось, после изгнания Троицкого ситуация начала успокаиваться, но как только Эстонская освободительная армия в январе 1919 г. взяла регион под контроль, Троицкий появился снова. Наконец, приходской совет провёл в ноябре 1919 г. выборы и большинством голосов проголосовал против Назаревского: 26 голосов за, и 264 – против [ЕАА.1655.2.2590.16]. Хотя Назаревский и пытался остаться в приходе до того, как появилась бы возможность провести расследование, он твёрдо решил уйти весной 1920 г. Кризис завершился лишь 2 января 1921 года с единогласным избранием о. В. Шамардина.

Прочное положение приходских институтов было подкреплено новыми правилами, изданными в 1922 г. поместным собором ЭАПЦ, окончательно установившими, что священнослужители всех уровней должны избираться прихожанами. Это было связано с финансовой ситуацией. Эстонская Республика была одним из наиболее секулярных государств Европы. Республика не поддерживала приходы или священников финансово. Хотя национализация и перераспределение земель в основном коснулись крупных владений балтийских немцев, затронуты оказались и церкви, участки которых были конфискованы. Всё это означало, что ЭАПЦ теперь имела, в сущности, единственный источник финансирования – прихожан. В некоторых отношениях Олешница пострадала не так сильно, как другие приходы: она не получила земель в имперский период, а потому эстонскому государству нечего было национализировать, и приход сохранил право собственности на приходской дом, в котором жило духовенство. Тем не менее, на приход повлияла секуляризация образования в республике. В 1919 г. местное правительство изъяло школы из ведения православных общин: главная приходская школа Олешницы стала государственной школой [ЕАА.1898.1.68].

5 июля 1923 г. делегация эстонских православных священников попросила Патриарха Мелетия IV принять их церковь в лоно Константинопольского патриархата, а не Московского: Александр (Паулус) стал митрополитом Таллинским и всея Эстонии. В то же время сложности с русскоязычным крылом Церкви приобрели серьёзный характер. Русские прихожане требовали определённой автономии с 1920 г., с этого же года их интересы представлял Духовный совет православных русских приходов Эстии. В 1922 г. продолжающиеся требования дальнейшей автономии (особенно с учётом того, что Синод не контролирует русские приходы) привели к серьёзному разрыву между эстонской и русской частями церковью [Rimestad, 2012, 92–104]. В результате Духовный совет православных русских приходов Эстии был разогнан силовым способом в сентябре 1922 г. Частично ситуация разрешилась в 1924–1925 гг., когда ЭАПЦ была разделена на отдельные епархии, эстоноязычную Таллинскую и русскоязычные Печорскую и Нарвскую.

К 1925 г. новые порядки православной церкви в Эстонии прочно установились в Олешнице. Враждебные отношения между духовенством и прихожанами в годы войны и революции не возобновлялись. Приходское собрание регулярно созывалось для голосований по ключевым вопросам, утверждения финансовых документов, подготовленных приходским советом, для избрания членов приходского совета и должностных лиц. В целом приходские собрания посещались плохо: из нескольких сотен человек, обладавших правом присутствия и голоса, присутствовали лишь несколько десятков. Исключением явилось приходское собрание 10 июня 1926 г., на котором присутствовало 317 человек: основным вопросом было голосование по поправкам к приходскому уставу ЭАПЦ и начало приготовлений к государственной регистрации. Собираясь ежемесячно, приходской совет в основном занимался подготовкой финансовых документов. В этой финансовой работе совету помогала ревизионная комиссия, трое членов которой избирались на трёхлетний срок. На протяжении межвоенных лет состав приходского совета оставался относительно

неизменным, он контролировался несколькими местными семьями. Члены приходского совета занимали свои должности по три года. Избираться могли и мужчины, и женщины, как это видно из факта избрания в совет Ольги Щебеориной в 1934 г.

В целом совет вполне справлялся со своими функциями, составляя протоколы по требованию Нарвского епархиального совета и не получая серьёзных выговоров. Вместе с тем в адрес приходского совета выдвигались некоторые обвинения. Мария Болтова, жена псаломщика и просфорница, в 1930 г. заявляла, что «на каждом собрании [приходского совета] в квартире священника выпивали больше 5 литров водки, чем прихожане были не довольны» [ЕАА.1655.2.2739, б.с.]. Отношения между советом и духовенством могли периодически ухудшаться в зависимости от конкретных фигур. В 1930 г. о. А. Лавров имел конфликт с бывшим председателем приходского совета Николаем Пакком: «при всяком разговоре со священником или причтом, при всяком собрании совета недоброжелательство Пакка проявляется и передаётся совету» [ЕАА.1655.2.2740, б.с.].

В 1935 г. ЭАПЦ ограничила роль приходского собрания: теперь оно собиралось крайне редко. Большая часть его обязанностей перешла приходскому совету, состав которого расширился (в Олешнице до 14 членов): тем временем, исполнительные функции, ранее возложенные на приходской совет, были переданы новой организации, приходскому правлению. Согласно правилам, священник должен был возглавлять правление, а псаломщику надлежало быть секретарём. Хотя эта реформа существенно ограничила приходскую демократию, она, тем не менее, без возражений была принята в Олешнице.

В пункте 11 приходского устава ЭАПЦ подчёркивалось, что «на обязанности прихожан лежит забота о материальном содержании причта и об обеспечении его квартирами» [ЕАА.1655.2.2622.29], достигнуто это должно было быть за счёт членских взносов в приходе. Эти взносы были основным источником выплат духовенству: в Олешнице их платили все члены общины возрастом от 14 до 65 лет. В середине 1920-х гг. взносы составляли 8 марок в год, к 1930-м они увеличились до 15 центов, чтобы покрыть повышение зарплат священнослужителям, пока не снизились до 10 центов несколько лет спустя. Уклонение от уплаты приходских пошлин, по-видимому, стало существенной проблемой в Олешнице. В 1933 г. о. А. Лавров и приходской совет попытались решить эту проблему. Они предложили запретить людям с крупными задолженностями вступать в церковный брак: венчание могло быть разрешено только в случае погашения долга. Однако это немедленно привело к скандалу: «В половине седьмого вечера приехал свадебный поезд, настоятель распорядился открыть храм и прошёл в алтарь, приказав сторожу произвести все расчёты с женихом. Минут через пять после этого, в алтарь вошли, без разрешения священника, трое мужчине; из них священник узнал только одного и двое неизвестных были нетрезвы. На вопрос священника, что им угодно, один из них спросил об условиях платы за требу <...> Тогда один из стоявших на расстоянии шага от Св. Престола, надел шапку, дважды выругался площадной бранью по адресу Совета» [ЕАА.1655.2.2740, б.с.]. Нарвский епархиальный совет был вынужден разъяснить Лаврову и приходскому совету, что они не имеют права запрещать бракосочетания из-за наличия долгов по членским взносам. Коррупция также могла сказываться на сборе взносов в приходе. В 1932 г. Михаил Корнильцев, нанятый приходом для сбора взносов, был уличён в присвоении 108 крон [ЕАА.1655.2.2740, б.с.].

Оплата труда священнослужителей составляла заметную статью приходских расходов. Духовенство, кроме того, получало бесплатные комнаты в приходском доме. Однако это вознаграждение (1000 марок в месяц для священника и 500 марок в месяц для псаломщика в 1921 г., увеличившееся до 35 крон и 20 крон, соответственно, в 1930 г.) было недостаточным, особенно в свете того, что часть платы выдавалась натурой. Олешницкое духовенство страдало от задержки выплат со стороны приходских институтов: 7 марта 1922 г. они жаловались на то, что не получили обещанных жалований. Священнослужители попросили Духовный совет православных русских приходов Эстии обратиться к правительству за предоставлением финансовой поддержки. Однако Духовный совет отказался сделать это, заявив, что «вследствие провозглашённого в Эстонской Республике принципа отделения церк-

ви от государства, содержание священно- и церковнослужителей ни в какой степени не должно составлять обязанности государства или местных органов самоуправления и возбуждение подобного ходатайства Духовным Советом было бы совершенно неуместно» [ЕАА.1655.2.2591, б.с.]. О. Лавров утверждал, что приход мог позволить платить больше, если бы сократились расходы на алкоголь: «я еще не встречал среди деревенских жителей таких пьяниц, как в Олешнице» [ЕАА.1655.2.2740, б.с.].

Как и в имперский период, это вынуждало духовенство полагаться на вознаграждения, плату за различные религиозные требы. Вместе с тем, духовенству приходилось торговаться с прихожанами по поводу размера таких платежей и ходить по улицам в поисках припасов: «О. Василий Шамардин систематически с мешком за плечами и с корзинкой в руках обхаживал деревни, т.е. выражаясь обыденным языком нищенствовал» [ЕАА.1655.2.2740, б.с.]. О. Лавров пытался решить эту проблему, предложив ввести «налог» на исповеди: однако приходское собрание проголосовало против такого решения и было поддержано Нарвским епархиальным советом [ЕАА.1655.2.2740, б.с.]. Нет сомнений в том, что духовенство испытывало нужду. О.В. Шамардин попытался досрочно выйти на пенсию (православные священнослужители в Эстонии имели право на получение государственной пенсии в связи с их ролью в регистрации рождений и смертей), но ему было отказано, поскольку он не достиг возраста 60 лет. О.А. Лавров был вынужден просить помощи у Синода, чтобы заплатить за обучение своего сына в Нарвской городской русской гимназии [ЕАА.1655.2.2741, б.с.]. О.А. Ротковский оказался в долгу, когда ему пришлось оплачивать похороны своего 19 летнего сына, что заставило его просить финансовой поддержки у митрополита [ЕАА.1655.2.2742, б.с.].

У духовенства были и другие способы увеличить свои доходы, такие как руководство хором, выполнение приходской секретарской работы, преподавание. Впрочем, преподавательская деятельность представляла проблему для священнослужителей Олешницы. Все священники межвоенного периода (за исключением Назаревского) были переселенцами из России, а потому не имели эстонского гражданства: технически это означало, что они не имели права преподавать в государственных школах. Получить эстонское гражданство тоже было непросто: о. Г. Горский дважды предпринимал такие попытки, первый раз в 1926, второй – в 1930 г. [ЕАА.1655.2.2739, б.с., and ЕАА.1655.2.2740, б.с.]. В 1936 г. о. А. Лавров, ранее не получивший учительской должности из-за отсутствия у него эстонского гражданства [ЕАА.1655.2.2742, б.с.], был отстранён от преподавания стараниями директора школы в Олешнице Николая Каубиша. Этот человек выстроил против о. Лаврова обвинения, утверждая, что тот в пьяном виде пел дореволюционную застольную студенческую песню «Там, где Крюков канал» перед женщинами-прихожанками [ЕАА.1655.2.2742, б.с.]. Тем не менее, расследование, инициированное Нарвским епархиальным советом, привело к выводу о невиновности Лаврова по всем пунктам обвинения.

Наиболее серьёзный конфликт этого периода возник из-за поведения псаломщика Ивана Болтова (того самого Болтова, что был обвинён в убийстве жены о. А. Троицкого в 1911–1912 гг.). Судя по всему, отношения между Болтовым и о. Г. Горским не были тёплыми. Жена Болтова сообщала, что двое мужчин первоначально ладили, однако «через несколько времени приехала к нему из России монахиня и жизнь нашу совсем испортила. Ваше Высокопреосвященство, это такая безнравственная женщина, она позорит сама и наших монахинь Пюхтицкого монастыря» [ЕАА.1655.2.2739, б.с.]. 4 августа 1929 г. Горский и приходской совет созвали приходское собрание, чтобы разжаловать Болтова. Болтов обжаловал своё увольнение, в то время как совет представил обширный перечень обвинений, включавший пьянство, плохое пение, домогательства к женщине-учителю во время Пасхальных празднеств [ЕАА.1655.2.2739, б.с.] и незаконную продажу алкоголя из своей квартиры. По большей части расследовавший дело о. Н. Цветаев нашёл Болтова невиновным. Однако сам Болтов сознался в тяге к спиртному и продаже алкоголя. В результате Нарвский епархиальный совет подтвердил его отстранение. Тем не менее, Болтов отказался покидать приходской дом. Странники Болтова в общине также писали обращения и, по-видимому, оказывали давление на занимавшегося расследованием о. Цветаева. Наконец, приходское собрание решило не проводить выборы

нового псаломщика, ведь партия Болтова создавала слишком много проблем, чтобы голосование прошло спокойно.

Вместе с тем, вызывающее поведение и характер Болтова были скорее исключениями в среде православного духовенства Олешницы межвоенного периода. Всеми о. Горский характеризовался как аскет. О. Лавров проявлял выраженный интерес к миссионерской деятельности и педагогике, представив доклад о последней на Нарвском епархиальном съезде, проходившем 28–30 декабря 1938 г. [см. ЕАА.1898.1.10, б.с.]. Псаломщик М. Троицкий в 1920-х гг. обучался медицине в университете Тарту [ЕАА.1655.2.2740, б.с.].

Что касается выборов духовенства, то их в межвоенный период состоялось несколько. В 1925 г. состоялись конкурентные выборы, в которых участвовали отцы Г. Горский, М. Ласкеев и Н. Молчанов. На приходском собрании 20 декабря 1925 г. под председательством о. М. Кляровского были зачитаны заявки и биографии кандидатов. После этого о. Кляровский произнёс речь, в которой посоветовал прихожанам обратить «внимание не на душевные только качества избираемого священника, но и на его образование, т.к. в настоящее время корабель церковный обуреваем и необходимы поэтому такие служители, которые смело могли бы противостоять бурям и довести своё судно до наделённой и тихой пристани» [ЕАА.1655.2.2738, б.с.]. Присутствующих кандидатов попросили покинуть помещение, где проходило голосование. Горский победил и затем произнёс благодарственную речь в адрес прихода и председателя собрания.

В 1930 г., после смерти Горского, Епископ Иоанн (Булин) выдвинул кандидатуру о. А. Лаврова, предположительно в связи с его опытом миссионерского противостояния с «сектантством» [ЕАА.1655.2.2740, б.с.]. О. Лавров 17 декабря 1930 г. написал отчёт о баптистах в регионе: «Открыто секта проявилась в Олешницком приходе года 2-2½ тому назад. Здесь, в Олешнице, лет 10 проживает некая Копалыгина 58 лет, бывшая сестра милосердия, давняя сектантка <...> за всё время своего проживания в Олешницах (имеет здесь свой домик и усадьбу) она жила тем, что оказывала медицинскую помощь населению, но в последнее время она оставила свою практику и занялась открытой пропагандой баптизма» [ЕАА.1655.2.2740, б.с.]. В целях борьбы с сектой Лавров рекомендовал регулярно проводить лекции в деревнях, входивших в Олешницкий приход, и расширять приходскую библиотеку. Вместе с тем, позже у Лаврова возникли проблемы с некоторыми из этих баптистов: отмечая 6 марта 1934 г., что «сектантка Цыганова, жена учителя местной школе, в многих местах (вне прихода) клеветала на меня и мою жену, что мы живём очень плохо между собою, что я бью свою жену и что власти вмешались в нашу семейную жизнь и я и жена моя были арестованы и водворены для исправления в Печерский и Пюхтицкий монастыри» [ЕАА.1655.2.2741, б.с.].

В то время как антагонизм между православием и баптизмом был продолжением противостояния, существовавшего до революции, имело место и сотрудничество между бывшими конфессиональными врагами. В 1930-х гг. о. Лавров и приходские организации Олешницы скооперировались с лютеранским пастором из Ййсаку по вопросу русских и православных захоронений на кладбище лютеранской церкви Ййсаку. Эти захоронения принадлежали людям, погибшим в ходе войны за независимость Эстонии и последующей пандемии. Лавров и приходской совет подтвердили, что «за истекшие десятилетие могилы православных никем не наблюдались, кресты обвалились, холмики осыпались» [ЕАА.1655.2.2740, б.с.]. За этим последовала «вселенская панихида» 24 июня 1930 г. «при большом стечении эстонцев-лютеран» был учреждён комитет (в который входил лютеранский пастор) с целью создания «братского памятника» в память о мёртвых.

Как и в имперский период, духовенство и приходские организации оставались преданы делам благотворительности и образования среди паствы. В конце 1920-х гг. возник кружок женщин, чьей задачей была уборка помещений церкви. Также они проводили чайные вечера, перечисляя доход в пользу нищих прихода. Духовенство проповедовало и руководило как церковным хором, так и общенародным пением. О. А. Лавров и его жена одновременно возглавляли воскресную школу и детскую площадку [ЕАА.1655.2.2742, б.с.].

Заключение

Первоначально созданный в русле попытки распространить русское и православное влияние в восточной части Эстляндской губернии в период русификации, православный приход Олешница продолжил существовать в межвоенный период. Для прихода и прихожан изменилось многое. В имперский период прихожане и приходские институции не имели серьёзного влияния в приходе (власть находилась в руках епископа и консистории). Однако в межвоенный период приходские организации стали гораздо более влиятельны: так, в 1919–1920 гг. они доказали, что способны принудить к отставке своего священника. Это было связано с изменившимся политическим и экономическим статусом православной церкви в регионе. Если раньше церковь и её духовенство поддерживались имперским правительством, то Эстонская Республика была категорически светской – и её руководство не помогало религиозным организациям: действительно, некоторые из его политических шагов, такие как секуляризация и национализация образования, перераспределение земель, работали в ущерб ЭАПЦ и её священнослужителям. ЭАПЦ оказалась зависима от финансовых ресурсов прихожан, что придало последним значительное влияние.

Тем не менее, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, ситуация стабилизировалась к середине 1920-х гг. В оставшиеся годы межвоенного периода продолжительных конфликтов между церковными властями, духовенством и приходскими организациями практически не возникло. Немногочисленные конфликты, которые всё же возникали, не угрожали расколом, разрывом отношений между приходом, духовенством и высшими церковными органами или отставкой духовенства. В конечном счёте приходские организации признали право иерархов ЭАПЦ устанавливать правила, которым необходимо подчиняться.

Во-вторых, между имперским и межвоенным периодами существует позитивная преемственность. Хотя приход и лишился собственной образовательной системы, а переселившиеся священнослужители сталкивались с трудностями при устройстве на работу в светские школы, они, определённо, не оставляли своей приверженности образованию молодёжи и участию в культурной и благотворительной работе. Несмотря на то, что сотрудничество с лютеранами, возможно, расширилось, евангелический протестантизм по-прежнему воспринимался как угроза. Приходское духовенство по-прежнему было бедно и зависимо от вознаграждений за отправление обрядов.

Таким образом, рассмотрев случай отдельного православного прихода, мы можем проследить, как духовенство и миряне Балтийских губерний пытались адаптироваться к изменяющимся временам и обстоятельствам.

Благодарность

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 21-78-10119.

Acknowledgement

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF) grant 21-78-10119.

Список сокращений

ЕАА – Национальный архив Эстонии

Библиографический список

1. Беглов, А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы / А.Л. Беглов. – М.: Издательство «Индрик», 2021. – 1048 с.
2. Гаврилин, А.В. Очерки истории Рижской епархии 19 век / А.В. Гаврилин. – Рига: Филокалия, 1999. – 368 с.
3. Мусаев, В.И. Православие в Прибалтике в 1890–1930-е гг. / В.И. Мусаев. – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2018. – 336 с.
4. Полунов, А.Ю. Империя, православие и проблема реформ в Прибалтике: к истории религиозно-политической борьбы 1880-х – первой половины 1890-х гг. / А.Ю. Полунов //

- Православие в Прибалтике: религия, политика, образование 1840-е – 1930-е гг. Под ред. И. Пярт. – Тарту: Издательство Тартуского университета, 2018. – С. 207–227.
5. Рогозний, П.Г. Церковная революция 1917 года: высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции / П.Г. Рогозний. – СПб.: Лики России, 2008. – 224 с.
6. Gibson, C. Apostasy in the Baltic Provinces: Religious and National Indifference in Imperial Russia / C. Gibson, I. Paert // *Past & Present*. – 2022. – № 255 (1). – P. 233–278.
7. Paert, I. Orthodox Education in the Baltic Provinces of Imperial Russia and Independent Estonia from 1840s till 1941 / I. Paert, T. Schvak // *Quaestio Rossica*. – 2014. – № 3. – P. 142–158.
8. Raudsepp, A. Riia Vaimulik Seminar 1846–1918 / A. Raudsepp. – Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum, 1998. – 160 p.
9. Rimestad, S. The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940) / S. Rimestad. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. – 333 p.
10. Ryan, D.C. Rumor, Belief, and Contestation amid the Conversion Movement to Orthodoxy in Northern Livonia, 1845–1848 / D.C. Ryan // *Folklore*. – 2008. – № 28. – P. 7–23.
11. Schvak, T. Oigeusu kirik Narvas ja selle konflikt Eesti riigiga aastatel 1918–1920 / T. Schvak // *Vabadussõja lõpp Narvas 1920*. Editor Igor Kopõtin. – Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2021. – P. 186–201.
12. Shevzov, V. Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution / V. Shevzov. – Oxford: Oxford University Press, 2004.
13. Tøllefsen, T.O. Navigating an Orthodox Conversion: Community, Environment, and Religion on the Island of Ruhnu, 1866–7 / T.O. Tøllefsen, J.M. White // *Scandinavian Journal of History*. – 2021. – № 46(5). – P. 642–664.
14. White, J.M. Russian Orthodox Monasticism in Riga Diocese, 1881–1917 / J.M. White // *Canadian Slavonic Papers*. – 2020. – № 62(3–4). – P. 373–398.

Текст поступил в редакцию 04.07.2023.

Принят к печати 02.08.2023.

Опубликован 28.03.2024.

References

1. Beglov A.L. *Pravoslavnyi prikhod na zakate Rossiiskoi imperii: sostoyanie, diskussii, reform* [The Orthodox parish on the eve of the Russian Empire: condition, discussions, reforms]. Moscow: “Indrik” Publ., 2021 (in Russian).
2. Gavrilin A.V. *Ocherki istorii Rzhskoi eparkhii 19 vek* [Essays on the history of Riga diocese in the nineteenth century]. Riga: “Filokaliya” Publ., 1999 (in Russian).
3. Gibson C., Paert I. Apostasy in the Baltic Provinces: Religious and National Indifference in Imperial Russia. *Past & Present*. 2022, no. 255 (1), pp. 233–278.
4. Musaeu V.I. *Pravoslavie v Pribaltike v 1890–1930-e gg* [Orthodoxy in the Baltic region, 1890s – 1930s]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Politehnicheskogo universiteta, 2018 (in Russian).
5. Paert I., Schvak T. Orthodox Education in the Baltic Provinces of Imperial Russia and Independent Estonia from 1840s till 1941. *Quaestio Rossica*. 2014, no. 3, pp. 142–158.
6. Polunov A.Yu. *Pravoslavie v Pribaltike: religiya, politika, obrazovanie 1840-e – 1930-e gg*. [Orthodoxy in the Baltic States: religion, politics, education in the 1840s – 1930s.]. Ed. I. Pyart. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta, 2018, pp. 207–227 (in Russian).
7. Raudsepp A. *Riia Vaimulik Seminar 1846–1918* [Riga Spiritual Seminary in 1846–1918]. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseum, 1998 (in Estonian).
8. Rimestad S. *The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940)*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012.
9. Rogoznyi P.G. *Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda: vysshee dukhovenstvo Rossiiskoi Tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiyakh posle Fevral'skoi revolyutsii* [The church revolution of 1917: the higher clergy of the Russian church in the struggle for power in the dioceses after the February revolution]. St. Petersburg: “Liki Rossii” Publ., 2008 (in Russian).
10. Ryan D.C. Rumor, Belief, and Contestation amid the Conversion Movement to Orthodoxy in Northern Livonia, 1845–1848. *Folklore*. 2008, no. 28, pp. 7–23.
11. Schvak T. *Vabadussõja lõpp Narvas 1920* [The end of the war of independence in Narva in 1920]. Ed. Igor Kopõtin. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2021, pp. 186–201 (in Estonian).
12. Shevzov V. *Russian Orthodoxy on the Eve of Revolution*. Oxford: Oxford University Press, 2004.
13. Tøllefsen T.O., White J.M. Navigating an Orthodox Conversion: Community, Environment, and Religion on the Island of Ruhnu, 1866–7. *Scandinavian Journal of History*. 2021, no. 46 (5), pp. 642–664.
14. White J.M. Russian Orthodox Monasticism in Riga Diocese, 1881–1917. *Canadian Slavonic Papers*. 2020, no. 62 (3–4), pp. 373–398.

Submitted for publication: July 04, 2023.

Accepted for publication: August 02, 2023.

Published: March 28, 2024.